МАША
МАЛИНОВСКАЯ
Сахар
НА ДНЕ

Со стеклом

Маша Малиновская

Сахар на дне

«Автор»

2019

Малиновская М.

Сахар на дне / М. Малиновская — «Автор», 2019 — (Со стеклом)

Когда-то он сломал мои крылья, заставив сердце осколками осыпаться у его ног. Мой сводный брат… Я пыталась забыть… Но он снова ворвался в мою жизнь, снова заставил тонуть в его тьме. Бежать куда подальше или попытаться идти навстречу? Может, если нырнуть с головой, то можно коснуться его души? Ведь, как известно, сахар всегда на дне… Книга содержит нецензурную брань.

© Малиновская М., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Маша Малиновская
Сахар на дне

Маша Малиновская

* * *

Глава 1

Часть вторая. (Первая "Сахар со стеклом" – читайте на Литрес бесплатно).

– Встань!

Кровь стынет в жилах от этого голоса.

– Встань на колени.

Сердце от страха начинает раненой птицей трепыхаться в груди. Снова тёмная комната и мало воздуха. Снова приглушённый свет красных ламп.

Я подскакиваю на постели, судорожно втянув воздух. Опять этот сон. Почти год без него и вот снова.

Провожу рукой по лицу, пытаясь прогнать видение. Даже скорее ощущение.

Приказы меняются. Голос мне незнаком. Но каждый раз я чувствую страх, и моё тело словно парализует.

– Травмы пубертатного периода, Яна, – бормочу себе под нос научную лабуду, надеясь заглушить противное чувство внутри.

Ничего, сейчас пройдёт. Так! Стоп. Сколько сейчас времени?

Хватаю смартфон с тумбочки и ошарашенно наблюдаю, как цифры перещёлкивают с 6:51 на 6:52. Чёрт! Я проспала!

Скатываюсь с постели, едва не упав, запутавшись в лёгком одеяле, и бегу в ванную.

– Лиза, вставай!

Из соседней комнаты раздаётся стон, а потом на пороге появляется сонное стройное тело в пижаме – моя соседка по квартире и однокурсница – Елизавета Копылова.

– Мы проспали, давай быстрее!

Мы толкаемся возле раковины, чистим зубы. Пока Лизка наносит «кремики и пенки», я иду готовить кофе с бутербродами. Потом душ в экспресс-режиме, и вот ровно в 7:50 мы подбегаем к высоким железным воротам, держа наготове наши временные пропуска.

Касаемся ключ-картами к табло турникета, и нас пропускают на территорию госпиталя.

Хорошо, что август в этом году не жаркий, а то бы после такой спешки хоть душ принимай ещё раз. Аккуратно постучав, заходим в ординаторскую.

– Привет, девочки, – здоровается завотделением общей терапии, который часто пренебрегает своим личным кабинетом и старается быть ближе к народу.

– Здравствуйте, Артём Олегович, – Лиза приосанивается, выпячивая грудь, и в её голосе появляются сладковатые нотки. – Мы не опоздали?

Кокетничает. С Мироновым все кокетничают. Ну или почти все. Ещё бы – молодой доктор-красавец, да ещё и такой талантливый. Только вот и он со всеми кокетничает, никого особо не выделяя.

Сегодняшний день для нас особенный. Коллегия госпиталя должна принять решение после месяца прохождения практики – заключать с нами договор на интернатуру или нет. Мне бы очень хотелось остаться. Квартира, которую мы снимаем с Лизой, в пятнадцати минутах ходьбы. Да и сам госпиталь отличный. С моей специальностью тут есть чему поучиться.

Первые четыре года мы с Копыловой учились в одной группе на общелечебном деле. А потом, два года назад, пришло время выбирать специальность. Копылова ушла в офтальмологию, как и мечтала с первого курса, а я стала психоневрологом. И мне повезло, что в военном госпитале была вакансия. Весь месяц практики я старалась изо всех сил, и сегодня узнаю, захотело ли Министерство обороны в лице госпиталя со мной сотрудничать или придётся искать другое место.

Когда Миронов выходит, мы достаём из шкафчика халаты.

– Тебя они по-любому возьмут, зря ты так волнуешься.

– Почему по-любому?

– Ты же краснодипломница.

Да, я шесть лет корпела над книгами, и теперь пришло время выходить в поле, так сказать.

Я застёгиваю халат и подбираю волосы, стащив с запястья резинку-пружинку. Переобуваюсь, поправляю табличку-бейдж на груди. И тут слышу жужжание в сумке.

Опять звонит Саша. Он же знает, что я занята. К чему этот контроль? Тяжело вздохнув, отбиваю звонок и выключаю телефон совсем.

– Янка, сколько тебе уже говорить, – щебечет Лиза, нанося на пухлые губы ещё один слой помады. – Он не будет ждать вечно. Пожалей уже парня.

– Прекрати, – обрываю подругу. Не люблю эти пустые разговоры. – Нам пора на планёрку.

Копылова совершенно не обижается. Она лишь подкатывает глаза и, расстегнув верхнюю пуговичку на и так довольно узком халатике, выходит за мной в коридор.

На совещании сначала заслушивают заведующих отделениями. Потом слово берёт начмед – высокая женщина, светловолосая, с умными карими глазами. У меня поджилки трясутся от напряжения. Отчим предлагал помочь, но я отказалась. Хочу сама добиться, хочу гордиться собой.

– Мы уже передали в медакадемию списки тех, кому будет предложен договор на прохождение интернатуры. Надеюсь, нас ждёт плодотворное сотрудничество, а вас – карьерный рост.

Выдыхаю я уже лишь тогда, когда слышу своё имя в списке, что зачитывает начмед. Из десяти практикантов приняли только шестерых. Я и Лизка в списках. Только работать будем на разных этажах, но это мелочи.

Теперь я штатный интерн при хирургическом и терапевтическом отделении. Меня представили моей наставнице и сказали отправляться с ней на четвёртый этаж.

– Итак, Яна Николаевна, давай знакомиться ближе, – невысокая улыбчивая брюнетка села в мягкое кресло за свой стол в ординаторской, жестом пригласив меня присесть на диванчик напротив. – Меня зовут Зоя Ивановна.

– Очень приятно, – улыбаюсь.

Мне нравится эта женщина, и я давным-давно знаю, как её зовут. А также её категорию, стаж, перечитала все её научные статьи по актуальным вопросам этиологии посттравматического стрессового расстройства. Я и мечтать не могла, когда выбрала специальность, что она станет моим наставником.

Зоя Ивановна вводит меня в курс дела, поясняет основные направления работы в терапии и хирургии, ещё раз напоминает о важности ведения медицинской документации.

– Хирурги считают нас шарлатанами, так что не удивляйся, если они будут корчить снисходительные рожи, – доктор поднимает презрительно бровь. – Но именно психиатр должен помочь пациенту избавиться от того внутреннего дерьма, которое приехало с ним из ада. И именно от нас с тобой зависит, вернётся ли солдат домой с целой крышей. Ибо на данный момент процент суицидов бывших военных на сто тысяч человек составляет 12,8 процентов.

Я ошарашено моргаю от таких невероятных цифр. Это много. Очень. А ещё ощущаю бремя ответственности за сделанный выбор.

– Так что у хирургов свой бой над столом в операционной, а у нас свой. И чаще всего он длится намного дольше нескольких часов, Яна Николаевна.

В течение дня я обустраиваюсь на своём рабочем месте, знакомлюсь с персоналом отделений, в которых теперь буду трудиться, получаю утверждённый график дежурств. Потом иду с Зоей Ивановной на обход. Почти всё время молчу, внимательно слушая и наблюдая за её работой.

Уже ближе к концу рабочего дня, около четырёх вечера, у Зои Ивановны звонит телефон внутренней связи. Она что-то коротко отвечает, а потом бросает мне:

– Пошли, Фомина, встречать подарочки из Сирии. Трое трёхсотых.

Я подрываюсь от бумаг и бегу за шефиней по коридору.

– Что это значит – трёхсотых? – спрашиваю уже в лифте.

– Раненные.

Мы выходим к приёмному, где уже в спецодежде ожидают несколько других докторов. Взволнованная Лиза тоже тут.

– Вообще-то, нам с тобой тут быть необязательно, но для тебя это будет полезный опыт.

В ожидании проходит ещё несколько минут, а потом я слышу шум. Мы переглядываемся с Лизой.

– Вертолёт, – тихо поясняет мне Зоя Ивановна.

Я внутренне вся подбираюсь. Да, моя помощь сейчас не потребуется. Будут, наверняка работать хирурги, но мы ведь все тут в одном котле варимся. И в определённый момент и мне придётся подключиться.

Двери приёмного открываются, и в холл ввозят три каталки. Сопровождающий отчитывается начмеду и дежурному хирургу об оказанной помощи в местном госпитале и предварительных диагнозах, пока персонал принимает пострадавших.

Мои ноги словно прирастают к полу. Учебники учебниками, но вот это… Абстрагироваться не получается, как и сглотнуть ком в горле.

Я вижу на первой каталке мужчину лет сорока, у него перемотаны голова и грудь. Он в сознании и пытается улыбаться Лизке. Ну как же.

Второй пациент тоже в сознании. У него зафиксирована шея и правая рука. Он смотрит безучастно в потолок. А вот третий…

Неведомая сила толкает меня подойти ближе. Молодой крупный мужчина лежит с закрытыми глазами и размеренно дышит. У него перемотана голова, закрыт перевязью левый глаз. С груди на сторону свешивается жетон-смертник.[1]

Осознание бьёт обухом по голове, и я слышу в ушах шум собственной крови. Я узнаю этот профиль. Эти сжатые побелевшие губы. Я узнаю своего сводного брата.

[1] Жетон-смертник – это значок с ФИО у солдат. Они эту штучку так называют, потому что иногда погибшего в бою только так можно опознать. (Возникли вопросы в комментариях, поэтому помещаю сюда)

Глава 2

– Эй, Фомина, – Зоя Ивановна трогает меня за руку, пока пациентов грузят в лифт. – Ты чего? Поплохело? Может, валерьяночки или коньячку за первый день? Тут без этого никак.

– Что? – вздрагиваю, снова возвращаясь в коридор госпиталя. – Нет. Я…

– Ты будто привидение увидела.

– Третий раненый – мой брат.

– Что?!

Начальница разворачивает меня к себе лицом и смотрит в глаза. Ищет признаки аффекта.

– Мы давно не виделись.

– Так беги к нему! Палыч пропустит.

Внутри бьёт импульс, и я срываюсь на бег. Лифт только захлопнул двери, но ничего, и пешком домчу по ступеням. Уже на четвёртом этаже меня догоняет Лиза.

– Яна, стой! Подожди! – подруга хватает меня за руку, когда я уже подбегаю к дверям смотровой, куда вкатили каталки.

– Что? – расфокусировано смотрю на подругу. Мне надо туда!

– Брат? У тебя разве…

– Сводный.

– Сводный? – красивые брови Копыловой взлетают вверх. – Это тот, который…

– Да, это он.

Выдёргиваю руку и иду внутрь. Конечно, я ей рассказывала про Алексея. Не сразу и не всё, но рассказывала. Потому что именно Лиза вытащила меня из той беспросветной ямы, в которой я тонула, когда Шевцов ушёл в армию. Когда загибалась по ночам, рыдая в подушку в общаге. Когда почти перестала есть, потому что мама сказала, что Алексей подписал контракт на три года в миротворческие миссии, и даже Виктор не смог уговорить его вернуться. Если бы не Лиза тогда, я бы не вытянула учёбу даже до первой сессии.

В большой и ослепительно белой смотровой над раненым орудуют две медсестры и врач.

– Шевцов Алексей Викторович. Гвардии сержант. Контузия головы, осколочные ранения левого глаза.

Медсестра зачитывает врачу данные сопроводительной карты, а мне каждое слово бьет набатом.

– Фомина, хотите присоединиться? С каких это пор психиатры у нас интересуются первичкой?

За маской нетрудно угадать ухмылку врача. Это то, о чём предупреждала Зоя Ивановна.

– Это мой брат, – повторяю в который раз и подхожу ближе.

– Маску надень, – медсестра толкает меня локтем, кивая подбородком в сторону коробки с одноразовыми масками.

Я делаю как она говорит и снова подхожу. Он жив. Дышит. Без сознания или под наркозом.

Медсёстры срезают нательное бельё, оголяя торс, подключают капельницы. На первый взгляд мне кажется, что вся его грудь испещрена ссадинами и кровоподтёками, но это оказываются узоры татуировок.

Врач ощупывает голову, пытаясь оценить степень повреждений, проверяет реакцию зрачка незабинтованного глаза. Когда начинают срезать повязку с левого глаза, меня пробирает дрожь.

– Вон, – с абсолютным спокойствием говорит хирург, не отвлекаясь.

– Степан Павлович… – заламываю пальцы.

– Я сказал: пошла вон, – тем же тоном. – Копылова, сопроводи, а потом возвращайся. Тебе как офтальмологу будет полезно.

Я не спорю и позволяю Лизе вывести меня. Она вытаскивает в коридор и толкает спиной к стене.

– Слышь, бестолковая, Палыч тебя теперь на пушечный выстрел не подпустит к твоему братцу! А ну возьми себя в руки. Родителям позвони пока.

Бестолковая… В памяти током бьёт обидное прозвище, которое мне дал Алексей. Бестолочь. Она самая.

Ведь и правда нужно позвонить Виктору.

Я набираю номер отчима, сжимая холодными руками телефон. Он отвечает после третьего звонка.

– Привет, малявка. Неужели вспомнила обо мне? – слышу улыбку в его голосе.

– Дядь Вить… – голос не слушается.

– Так, – отчим настораживается. – Не предложили договор, что ли?

– Предложили…

– Тогда в чём дело? – шуточные нотки полностью исчезают из голоса отчима.

– Тут Лёша, – наконец набираюсь смелости произнести имя Шевцова вслух. – В госпитале. Он ранен.

В ответ устанавливается оглушающая тишина. Я только что сказала отцу, что его единственный сын ранен во время выполнения миротворческой миссии.

– Подробнее, – слышу глухой голос враз постаревшего мужчины. – Яна, не молчи.

– Пока не знаю. У него контузия в голову, осколочное глаза. Сейчас без сознания, готовят к операции.

Отчёт достойный врача, чего уж тут сказать. Ни эмоций, ни сочувствия. Спасительная корка льда на сердце.

– Выезжаю.

Виктор отключается, а я на автомате засовываю телефон в карман. Мне нужен кофе. И погорячее.

Минут через двадцать ко мне в ординаторскую приходит Лиза. Зоя Ивановна напоила меня кофе и ушла домой.

– Ты как? – подруга садится рядом на диван и отбирает пустую кружку, которую я до сих пор держу в руках.

– Что сказал Палыч?

– Сказал, что всё с твоим братом будет нормально. Жить будет.

– А глаз?

– Тут пока неясно. Попытаются спасти, но ты же и сама понимаешь.

– Угу.

– Родителям звонила?

– Должны уже подъехать.

Виктор с матерью приезжают в течение часа. Мама насторожено смотрит на меня, а у отчима заострились морщины на лице. Операция в процессе, и мы ждём в коридоре. Чувствую себя каменным изваянием. Ни эмоций, ни реакции. Я испугалась того шквала ощущений, когда увидела Алексея, и просто заперла их на амбарный замок. Но я же психиатр, и сама понимаю, что они скоро начнут просачиваться, а потом снесут к чертям хлипкие двери моего самообладания.

Операция идёт больше четырёх часов, и когда усталый Палыч выходит к нам, я даже сдвинуться не могу. Они с Виктором отходят в сторону и тихо разговаривают. Вижу облегчение на лице отчима.

– Яна, – мама трогает меня за руку. – Мы отвезём тебя домой.

– У меня сегодня ночное дежурство, – зачем-то вру. Не хочу уезжать из больницы.

– Уверена, заведующая тебя отпустит.

– Мам, – я раздражаюсь, – сегодня мой первый день, я не стану отпрашиваться.

Среди других чувств появление Шевцова всколыхнуло и старую обиду на мать. Я не знаю, что тогда между ними произошло, но именно после разговора с ней он вдруг принял неожиданное решение уехать. Не знаю, как она на него повлияла, из-за меня ли или по каким-то другим соображениям, но я не сразу смогла простить её. Вряд ли бы у нас с Шевцовым что-то вышло после всего, но это было бы наше решение. И ничьё больше. Со временем обида растаяла, но сейчас всколыхнулась, как снежная пыль, поднятая ветром.

Спустя какое-то время Виктор и мама уезжают. Их всё равно не впустят в интенсивную терапию ближайшие сутки. Меня Петрович отправляет спать под угрозой инъекции снотворного.

Утром, ближе к пяти утра я просыпаюсь от прикосновения к плечу. Медсестра из хирургии тихонько трясёт меня.

– Яна Николаевна, Степан Петрович позволил вам побыть с братом.

Я резко сажусь на диване, пытаясь разогнать морок сна.

– Как он? – голос ото сна ещё не слушается.

– Стабилен. Из наркоза вышел гладко, потом дали снотворное. Думаю, скоро проснётся.

– Спасибо.

Медсестра уходит, а я подхожу к зеркалу. В ординаторской больше никого нет. Дежурный, наверное, ушёл на другой этаж, сёстры заняты. На улице уже рассвело. Смотрю на свой помятый халат и растрёпанные волосы. На лице отпечатались складки. Красотка, что говорить.

Уже выходя в коридор, я вдруг запинаюсь, задумываюсь. Одно дело волноваться за сводного брата, пока он на операционном столе, другое же встретиться с ним уже лицом к лицу. Что я ему скажу? Как он отреагирует? Готова ли я к этой встрече?

Сжимаю кулаки, уже почти передумав, но потом решаюсь. Не прятаться же мне всю жизнь от него? Прошло шесть лет. Может, мы просто поздороваемся, как старые знакомые и всё. Тогда мы были подростками и делали глупости, теперь же всё иначе. Наши родители женаты, и встречи всё равно не избежать. А раны… раны давно затянулись и присыпались пеплом сгоревшей первой любви. Глупой и ненастоящей.

Шевцов в индивидуальной палате. Всё ещё спит. Я присаживаюсь в кресло у койки и рассматриваю его.

Алексей очень изменился. Он уже в одиннадцатом классе выглядел взрослым мужчиной. Что же говорит теперь. Как говорят, косая сажень в плечах – здорово раздался. Бугры выпирающих раскачанных мышц. От самых запястий и до простыни, прикрывающей с середины груди, видны разбросанные татуировки. Я замечаю ту, с которой уже знакома – чёрный дракон на плече. Чувствую неприятную горечь воспоминаний, подкатывающих к горлу.

Лицо тоже изменилось. Даже сейчас, спящий и измождённый, Лекс выглядит опасно. Складка между бровей и пробившаяся тёмная щетина, что стала значительно гуще.

– Всё рассмотрела, бестолочь?

Дергаюсь от неожиданности. Господи, неужели я думала, что шесть лет могли его изменить? Начать с оскорбления – это так его.

– Классный халатик, сегодня в тему, – его голос ещё хрипит, но интонация бьёт, заставляя снова почувствовать себя маленькой испуганной девочкой в чужом доме.

– Привет, Лёша, – выдавливаю из себя, выпрямляя спину.

И тут вдруг его взгляд меняется. Шевцов прищуривается и тянется рукой, опутанной трубками. Слегка касается пальцем моего колена, а потом потрясённо выдыхает:

– Ты настоящая?

Глава 3

– Какой сейчас год?

Шевцов отвечает мне недоумённым взглядом.

– В смысле?

– Назови год, полные фамилию, имя, отчество…

– Год рождения, табельный номер оружия, – недовольно перебивает он меня. – Я понял.

Поднимаю бровь в ожидании ответа, выдерживая его взгляд.

– Две тысячи девятнадцатый, – недовольно чеканит Алексей, сердито глядя мне в глаза. – Шевцов Алексей Викторович. 1994. Гвардии сержант. Табельный номер оружия 20/28. Довольна?

– Вполне, – складываю руки на груди.

Молчим, продолжая сверлить друг друга взглядами. Это как-то немного неправильно. Он недавно перенёс наркоз и сейчас на сильных анестетиках, а я тут самоутверждаюсь.

– Извини, – сдуваюсь. – Просто ты спросил, реальна ли я. Я должна была проверить.

Алексей молчит, а потом переводит взгляд в потолок.

– Ты мне снилась, – говорит так тихо, что я едва различаю. – После каждого грёбаного боя. Поэтому я и решил, что ты ненастоящая.

Это тихое признание вдруг выбивает почву у меня из-под ног, заставляя давно замершее сердце заколотиться. Или же снова виноват наркоз. Но я сижу как приклеенная, и не могу ничего ответить.

– Итак, ты врач, – спустя бесконечные минуты молчания произносит Алексей.

– Да. Сегодня мой второй рабочий день.

– Специальность?

– Психиатр-невролог.

– Отлично, – усмехается. – Мне уже нужен психиатр?

– Он всем нужен.

– Это точно, – Шевцов хрипло смеётся, пытаясь приподняться выше, чтобы сесть.

– Стой! – испуганно подпрыгиваю со стула и кладу руки ему на плечи. – Тебе нельзя вставать! Ещё очень рано.

Скрипнув от злости зубами, Шевцов откидывается на спину, а я отдёргиваю руки, словно обжёгшись. Так не пойдёт, доктор Яна. Нужно выпутываться из этой электрической сети вокруг сводного брата. Все мои чувства сигналят об опасности, к ним стоит прислушаться.

После пережитого стресса для Шевцова и так всё слишком. Он даже не поинтересовался своим состоянием. Или же решил, что я так себе врач.

– Мне пора, – встаю, пряча руки в карманы халата. – А ты постарайся поспать.

Шевцов ничего не отвечает и лишь устало смеживает веки. А я спешу в ординаторскую, где моя наставница уже готовиться к новому рабочему дню. У меня должно остаться ещё минут пятнадцать. Надо бы проветрить голову, иначе будет сложно сосредоточиться на работе.

– Это будет в первый и последний раз, девочка, но ты идёшь домой.

– Зоя Ивановна, я в норме. Буду работать.

– Ты меня слышала, – брюнетка стягивает волосы в хвост и проверяет, все ли документы взяла перед обходом. – И завтра чтобы была как огурчик. Шевцова и Голобородько забираешь себе. Снежин – мой.

Хлопаю глазами от удивления. Я думала, пока просто буду на побегушках, а, оказывается, уже самой надо вести пациентов. Да ещё и…

– Зоя Ивановна, Шевцов – мой брат. По правилам…

– По закону вы не родственники, – серьёзный открытый взгляд. – И вообще, Яна Николаевна, помни, где ты работаешь. Это военный госпиталь, а не детский сад, так что отращивай яйца. Твоя подпись – главная в выписке, а солдатики очень хотят домой, поэтому нервы ещё помотают. И, кстати, – оборачивается уже у двери, – больше со мной не спорь. А теперь дуй домой.

Точно военный госпиталь, и у моей начальницы командирские замашки. «Мелкая саркастичная выскочка» – как-то ляпнул на кафедре один доцент о ней, а я случайно услышала, но виду, конечно, не подала. Но она гений в своей области, так что стоит захлопнуть рот и впитывать. И не спорить, естественно.

С Лизой мы увиделись лишь мельком, когда я выходила, а она, опаздывая, воевала с пропуском у турникета.

– Янка, ты куда?

– Зоя Ивановна приказала идти домой и отсыпаться.

Копылова поджала губы.

– Ладно, дома поговорим, сейчас некогда. Ты чтобы и правда поспала, поняла?

– Угу.

Лизка убегает, а я неспешно бреду по аллее в сторону дома. На носу осень, скоро тут будет очень красиво. Клёны вдоль аллей зальются золотом, превратив сквер в сказочный лес.

Мне нужно пространство. Немного свободы, чтобы надышаться воздухом и осознать свои чувства. Я должна научиться их проживать, потому что они неотделимая часть меня. Позволить им выйти наружу, чтобы перелистнуть страницу и жить дальше.

Шесть лет. Это немало, чтобы люди изменились. Может, и Алексей изменился. Только вот в какую сторону? Раньше у него был якорь – мать. Но она умерла три года назад. А что, если он даже не знает об этом? Хотя, вряд ли. С отцом-то наверняка связь поддерживал.

Я прожила и прочувствовала свою несчастную первую любовь сполна. И я простила её себе. Свою слабость и бесхребетность. Столько раз представляла нашу встречу, сколько сценариев её я проиграла в своей голове. И каждый раз видела себя сильной и смелой, и… Была ли я такой сегодня?

Перелистнуть страницу… Это не просто. Да ещё и нужно настроить себя на отношения врач-пациент.

Да, всё правильно. Всё в прошлом. Мы просто старые знакомые. Просто врач и пациент. Так правильно. Так нужно.

Глава 4

Прогулявшись по скверу, покормив уток у пруда и даже съев целых два мороженых, я вроде бы как привела свои эмоции в порядок. А вот когда подошла к дому, настроение поползло вниз.

Не знаю почему, но в последнее время общество Саши меня угнетает. Начались какие-то придирки и претензии, когда я отказалась переехать к нему. Частые звонки, где слышала недовольный голос. Даже длина моей юбки его не устраивала или яркая помада.

И вот сейчас у подъезда стоит ярко-синий Сашин «Форд», а сам Терентьев расположился на лавочке.

– Привет, – здороваюсь я без энтузиазма.

– Ну привет, – Саша поджимает губы.

– Давно ждёшь? – я присаживаюсь рядом на лавочку.

– Если бы отвечала на телефон, то знала. Где ты была ночью?

– На дежурстве, – меня утомляет этот допрос.

– В первый же день?

– Именно, – я разворачиваюсь и смотрю на парня в упор. Кажется, ссоры нам уже не избежать. – Поступили раненные из Сирии, рук не хватало.

– И твои руки, как психиатра, пригодились? В отличие от рук Копыловой.

Злость и обида разливаются внутри. Я резко встаю с лавки и одергиваю пальто.

– Я, вообще-то, ещё и невропатолог. Так что да – мои руки были нужны, – отрезаю и разворачиваюсь в сторону подъезда.

Но Саша перехватывает моё запястье и тянет обратно, только не на лавочку, а к себе на колени.

– Ну ладно тебе, не шипи, – он идёт на попятную, как и всегда: сначала разозлит своими придирками, а потом делает вид, что это я фурия, а он весь такой миролюбивый и правильный.

Позволяю усадить себя, но тут же чувствую его губы у себя на шее.

– Саша, прекрати, – выбираюсь из объятий. – Мы же на улице.

– Так пойдём к тебе. Лизка всё равно уже убежала.

Это же сколько он ждал? А Копылова, получается, его не заметила. Иначе бы сказала. Наверное.

– Только если на чай, – грубо обозначаю границу и иду к двери.

Терентьев, вздохнув, плетётся сзади. Я открываю дверь и вхожу. Скидываю обувь и вешаю на крючок сумочку. Саша снова ловит меня в объятия, прижимая к стене.

– Ян, – шепчет в ухо, а мне хочется зажаться плечом от его дыхания. – Ну…

– Саш, пусти, я устала. Мне надо в душ и спать. Хочешь – жди чай, если нет – увидимся завтра.

– Гонишь меня? – Терентьев отталкивается от стены и смотрит со злостью.

– Нет, просто… – Господи, как же я устала за эти сутки.

– Год прошёл почти, – повышает голос, и мне хочется зажать уши руками. – Ты говорила… Сколько ещё тебе нужно времени?

– Хватит…

– Яна, я не железный!

– Хватит!

– Ты постоянно говоришь одно и то же.

– Саша, уходи!

Терентьев со злостью дергает дверь и вылетает из квартиры, громко хлопнув. А я оседаю на пол. Сколько можно? Как ещё ему дать понять, что мне трудно переступить через тот кош-

мар. А теперь ещё и Шевцов объявился. Как мне справиться со всем этим? И как дождаться сегодня Лизу, чтобы свернуться калачиком, положив голову ей на колени, и просто расслабиться и успокоиться?

Глава 5

Просыпаюсь около четырёх утра от загудевшего под подушкой смартфона. Спам какой-то пришёл. Я так и уснула вчера в общей гостиной на диване. А проснулась заботливо прикрытая пледом.

Провалиться в сон снова уже не выходит, потому что игнорировать желание сходить в туалет не получается.

Со вздохом выбираюсь из уютного кокона и иду по зову организма, а потом забираюсь в постель к Лизке. Подруга ворочается, накидывает на меня уголок одеяла.

– Как ты? – сонно бормочет.

– Нормально. Спи.

– Угу, – отворачивается, а я сверлю взглядом потолок.

– Ян, – спустя полминуты, – с ним всё нормально. Зрачок реагирует на свет, так что видеть будет.

Я принимаю информацию. Чувствую облегчение. Это хорошо, что зрение восстановится. А мне надо подумать, как вести себя с ним в рамках пациент-врач. Мне ли не знать, как трудно влезть Шевцову в голову. Не уверена, что смогу. Да что там – не уверена, что хочу. Но я не психотерапевт, мне не надо вникать, моя задача убедиться, что все когнитивные функции после травмы в норме. Вот и всё.

Уснуть уже не получается, и я выползаю из Лизкиной постели тихо, чтобы не потревожить вновь уснувшую подругу. Бреду на кухню и готовлю нам завтрак. Омлет и блинчики с творогом, Лиза любит ещё поливать сгущённым молоком, но только на завтрак. В течение дня она себе сладкого не позволяет.

По звонку будильника встаёт Копылова, расплываясь в довольной улыбке, когда видит результаты моего раннего подъёма.

Мы завтракаем, одеваемся и торопимся на нашу новую работу. Сегодня идёт дождь, он приносит дыхание осени, которую я так люблю. Не понимаю тех, кто жалуется на дождливую погоду. Для того, чтобы чувствовать себя счастливым, нужны только плащ и резиновые сапоги. И никакой насморк не страшен.

В ординаторской Зоя Ивановна приветствует меня, салютуя стаканом с кофе. В помещении приятно пахнет.

– Привет, – говорит она, дожёвывая круассан. – Готова к труду и обороне?

– Готова, – улыбаюсь я, доставая из шкафа халат.

– Стопка чистых историй у тебя на столе. Мы ведём отдельную документацию на каждого пациента, а потом, после выписки, подшиваем к общей. Начинай заполнять, а дальше дуй на обход. Проводишь первичный опрос, делаешь свои выводы и, если нужно, готовишь назначения. После обеда обсудим, если надо утвердим. Всё поняла?

– Угу.

– Ну тогда вперёд.

Зоя Ивановна выбрасывает одноразовый стакан в урну, ныряет в карман, проверяя, на месте ли молоточек, и, подмигнув, спешно убегает.

Меня поражает её кипучая энергия. Она словно переливается и в меня саму, заряжая, настраивая на рабочий лад. Эта миниатюрная красивая женщина не может не вызывать восторг. Она бывает весьма резка, но к этому надо просто привыкнуть.

Я готовлю истории вновь поступивших, штудирую тех, кто уже в госпитале не первый день. Всего Зоя Ивановна возложила на меня заботу пока о восьми пациентах, в то время, как на её столе более двадцати активных историй, и столько же тех, кто на дистанционном наблюдении. Я должна справиться идеально. Я смогу.

Приходит время обхода, и я невольно повторяю за своей наставницей. Бросаю пустой стакан в корзину и проверяю, на месте ли мой неврологический молоточек. Улыбаюсь, когда понимаю, что скопировала свою начальницу.

Сначала нужно посетить вновь поступивших. Прячу волнение так глубоко, как только могу. Больше веры в себя, Яна Николаевна!

Иду в палату к Голобородько Дмитрию Феликсовичу. Это тот мужчина, который вчера улыбался Лизке.

– Здравствуйте, – уверенно произношу с порога.

Знакомство с пациентом и беседа проходят гладко. У меня получается. Я делаю подробные записи, ставлю пометки, о чём хочу потом спросить у Зои Ивановны. Минут за десять мы заканчиваем. Пора идти дальше.

И я уверенно иду, но ровно до того момента, как натыкаюсь на дверь палаты. Чувствую, как дрожат пальцы, а кожа на ладонях становится влажной. Вдох. Выдох. И нажимаю на ручку.

В палате Шевцова приятно пахнет, как-то уж совсем не по больничному. Запах медикаментов, конечно, чувствуется, но ещё тут витает аромат «L'Imperatrice» от Дольче Габбана. И я вижу его источник. Арина, медсестра отделения, собирается менять Шевцову капельницу, но вот только занята она непонятно чем. Разве для смены системы обязательно так ровно держать спину и весело хохотать?

Алексей лежит на койке, закинув одну руку за голову и довольно улыбается. Ещё бы! Медсестричка грациозно наклоняется, чтобы поправить на нём простыню, но при этом кажется, хочет удушить своей грудью.

Фу, мерзость какая. Я словно в дешёвый порнофильм попала. Аж тошнит. И вообще, работать надо, ей же не одному Шевцову поставить капельницу необходимо, а она тут время тратит.

– Спасибо, Арина, можешь идти, – сама не узнаю свой голос. Никогда в нём не было столько надменности. – Тебя уже заждались другие пациенты.

Девушка выпрямляется и удивлённо смотрит на меня, поджав свои пухлые губы, которые она явно красила при плохом освещении. Потому что как ещё можно не заметить их естественный контур и так промахнуться?

– Здравствуйте, Яна Николаевна, но я ещё не поставила Алексею Викторовичу капельницу.

– Я сама справлюсь. Идите.

Скривив лицо, медсестра выходит, а я поворачиваюсь к Шевцову, который, кажется, едва сдерживает ухмылку.

– Доброе утро, Алексей.

– Ну привет, – отвечает он и внимательно смотрит на меня, не меняя своей расслабленной позы.

Я вешаю бутылку с раствором на стойку, снимаю пломбу и подсоединяю систему. Вообще-то, этим действительно должна заниматься медицинская сестра, но наши преподаватели настаивали на том, что врач тоже должен уметь проводить подобные манипуляции. Да и подработка в скорой многому научила.

– Руку, – командую Шевцову, подготовив лекарство.

Он молча разворачивает свою руку локтевым сгибом наружу. Я перетягиваю плечо ремешком и внимательно присматриваюсь. Чёрные языки татуировки ползут от самого запястья и опутывают всю кожу, мешая увидеть нужный сосуд. Но я справляюсь и ввожу иглу в вену с первого раза.

Алексей всё это время молча за мной наблюдает. А я будто тяну время, потому что дальше ещё сложнее – разговор.

Я выпрямляюсь, убрав выпавшую прядь за ухо и достаю планшетку с картой.

– Утку мне тоже сама сменишь?

– Что? – теряюсь от его вопроса и натыкаюсь на насмешливый взгляд.

Издевается. Очень смешно, дорогой мой братец.

– Тебе не нужна утка, – прихожу в себя. – Ты можешь ходить.

– Не могу. Ноги отняло, – снова эти искры смеха в глазах. Ну, знаешь ли, Шевцов!

– Я могу попросить Лидию Петровну, нашу санитарку, поставить тебе самый толстый катетер, если уж ноги совсем отняло.

Злюсь. Что вообще происходит? Какого чёрта ему понадобилось меня донимать? Ещё и эта дурацкая прядь снова на глаза падает.

– Ты подстриглась, – тихо говорит Шевцов, а я вдруг смущаюсь от такой смены интонаций в его голосе.

– Мне надо задать тебе несколько вопросов, – горло как-то предательски хрипит, и приходится немного откашляться.

– Ну давай, доктор мелочь, задавай свои вопросы.

Глава 6

Когда я вышла из палаты Шевцова, то почувствовала, как взмок на спине халат. Я пыталась с невозмутимым видом задавать ему необходимые вопросы, но выдерживать взгляд не всегда получалось. Когда я спросила, как он спит, как часто снятся ему кошмары, то в ответ получила лишь хмурый взгляд. Алексей явно не хотел отвечать.

Что ж, основные выводы я сделала: сознание не спутанное, логическое и абстрактное мышление не нарушены, скорость реакции и связная речь в норме. О наличии и степени ПТСР судить пока рано.

Поблагодарив за беседу, я попрощалась и вышла, ощущая, как жжёт между лопаток от его взгляда. Прошло только два часа рабочего времени, а я уже устала, будто сутки отработала.

Саша сегодня весь день сообщениями забрасывает. Извиняется за резкость. Что уж тут, мне тоже есть за что извиняться. В последнее время я стала очень раздражительной. Наверное, волнение сказывается из-за работы. В июне были ГОСы и защита диплома, а весь август практика, да как на иголках: возьмут – не возьмут. Теперь вот ещё Шевцов объявился. Но Саша же не виноват во всём, что со мной происходит, а я прямо как стерва какая-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.